

Я посмотрел на него взглядом, каким смотрят на дурака:

— Я ведь оценил!

Рыба опешила, на её лице появилось обиженное выражение.

— Тогда почему ты всё ещё хочешь меня съесть?

— Конечно, твоё мясо выглядит очень свежим и вкусным. Сегодня планирую нарезать ломтиками, завтра — зажарить на огне, послезавтра — обжарить... Я ещё не до конца решил, не спешу, вкусными вещами нужно наслаждаться медленно.

У рыбы появилось странное выражение лица, казалось, она немного разозлилась.

— Ты сказал, что при виде этого господина у тебя забилось сердце. Разве это не из-за вожделения к его красоте?

Мои мысли немного запутались, и я инстинктивно парировал:

— Конечно, от одной мысли, что смогу съесть такую вкуснятину, как ты, от возбуждения сердце колотится.

Рыба, казалось, приуныла.

— Значит, ты вожделел не к красоте этого господина, а к его вкусу!

Я с видом полной самоочевидности кивнул. Рыба, увидев, что я твёрдо решил её съесть, мгновенно изменилась в лице, на её изысканных чертах вздулись вены, в узких глазах промелькнул тёмный поток, и в них вспыхнул зловеший свет.

Внезапно одной рукой она мёртвой хваткой вцепилась мне в горло, а другой, сложив пальцы в коготь, с быстротой молнии выхватила у меня кинжал и с силой вонзила его мне в грудь.

Плохо!

Эта рыба оказалась такой коварной!

Внезапно передумала в последний момент, не сдержала слова, а ведь договорились, что отдастся мне.

Обманула мои чувства!

Неужели я, властвовавший над Прудом Молний десятки тысяч лет, оступился из-за одной рыбы?

Однако, хоть рыба и вложила в удар всю силу, убить меня с одного удара было невозможно. Не

добившись успеха с первого раза, она на мгновение застыла в недоумении, не веря своим глазам, и снова вонзила Клинок, Разрушающий Небеса, мне в грудь. Я лежал на земле, с насмешкой глядя на неё.

Эта русалка надеялась таким образом забрать мою жизнь, но это было невозможно. Она и не знала, что за десятки тысяч лет моё тело стало не бояться даже этих разъедающих плоть и кости Чёрных вод, а моё сердце, в отличие от других существ, с рождения было твёрдым и нерушимым.

Поэтому эти два удара были для меня всего лишь поверхностными ранами.

Я был неуязвим для мечей и копий, железная кожа и медные кости, посмотрим, что ты сможешь со мной сделать.

Я растянулся на земле, раскинув руки и ноги, не двигаясь, с явным презрением.

Возможно, моё презрительное отношение разозлило его, потому что его прекрасная кожа залилась лёгким розовым румянцем, перекрещивающиеся раны, покрывающие его тело, похожее на бараний жир, выглядели порочно и прекрасно, словно в сумерках ослепительные вечерние облака гонятся за лёгким ветром.

С его нефритовых ключиц, похожих на суровые заснеженные горы, падали одна-две тёмно-синие терновые розы, холодные и свободные, словно картина, нарисованная разбрызганной тушью, но он и вправду был самым ярким мазком на той картине, легко способным отнять дыхание. Я на мгновение потерял голову от этой потрясающей красоты.

Внезапно ослепительный золотой свет озарил Клинок, Разрушающий Небеса, и на лезвии появились слабые электрические искры.

Я тут же пришёл в себя, всё тело напряглось, готовясь нанести рыбе смертельный удар.

Ветер завыл, гром прогремел.

— Ха-ха... Забавно, забавно. — Однако рыба прекратила атаку и вместо этого рассмеялась, смеясь беспечно и свободно, эхо разносилось по бескрайнему Пруду Молний, сотрясая снег на терновых розах, заставляя его падать на землю.

Он с изяществом бросил Клинок, Разрушающий Небеса и с нежным, полным чувств взглядом посмотрел на меня.

— В пределах четырёх морей немало тех, кто хочет меня убить, но ты первый, кто захотел меня съесть. Только ты уверен, что сможешь меня съесть?

Я серьёзно посоветовал:

— Ты бросил нож, разве не потому, что ничего не можешь со мной поделать? Чем тратить силы на бессмысленную борьбу, лучше сэкономить их.

Его кровь текла всё сильнее, но он совершенно не обращал на это внимания.

— Значит, мне суждено стать лишь пищей в твоих устах?

Я поджал губы, с видом «так и должно быть».

Он же внезапно наклонился, его тонкие губы коснулись моих, и поток энергии, отличный от бессмертной ци, медленно проник в моё тело.

Моё сердце ёкнуло от испуга, я уже хотел сопротивляться, но почувствовал, как тот поток энергии прошёл через мои внутренности в тело, заставив все мои чудесные меридианы содрогнуться.

Я вдруг почувствовал, как тело ослабело, мысли спутались, я лишь глупо смотрел в его глаза, те самые глаза-персики, что растеряли свой яркий блеск, став похожими на два водоворота, затягивающих человека всё глубже и глубже.

Его голос был тихим, словно пение на краю неба, заставляющим погружаться.

— Только я сейчас невкусный. Посмотри, я пробыл в воде некоторое время, мясо сморщилось, всё тело в ранах, сильно похудел. Может, ты меня вырастишь, откормишь до белого и пухлого, разве тогда не будет лучше есть?

Затем он продолжил болтать о своём происхождении, своём прошлом, и, наговорив таким образом кучу всего, снова жалобно произнёс:

— Вырастишь и откормишь, а потом съешь, хорошо?

Не знаю как, но я вдруг безрассудно согласился:

— Хорошо!

Красавица-рыба закрыла глаза, её тело обмякло у меня на груди, и она ещё достала из кармашка какую-то вещицу, протянув мне.

— Какой послушный, держи конфетку.

Под звуки «Мантры перерождения» Цин Ту тёплый золотой свет пронзил густой туман Города Призраков. Те бессмертные, демоны и духи, что пришли в Город Призраков за удовольствиями, словно омылись бессмертной музыкой. Те боги, люди, демоны и духи, что были одурманены демонической музыкой Мо Ганя, постепенно успокоились. Они прекратили резню и драки, те мужчины и женщины больше не занимались непристойными делами, и те, кто катался в кучах

сокровищ, тоже поднялись.

Солнечный свет готов был пронзить тёмные тучи, все живые существа обратились к рассвету, явив свои искренние и покорные лица.

Первый луч небесного света упал на Город Призраков, осветив чисто белые цветы эфемеры, и эти прекрасные цветы мгновенно увяли. Город Призраков тоже претерпел колоссальные изменения: те святые и величественные резные коридоры и расписные перекрытия в мгновение ока обрушились, золото, серебро, сокровища, прекрасное вино и изысканные яства превратились в сухие ветви и гнилые листья, прекрасные женщины и милые дети стали высохшими скелетами. Этот очаровательный земной рай постепенно обнажал свой истинный облик — он оказался кладбищем.

Это кладбище было построено весьма роскошно, на каждой могиле стояла стела с надписью, и все эти могилы хоронили предков семьи Мо.

Город Призраков оказался расположен в императорской усыпальнице!

Я взглянул на надписи на могильных стелах и обнаружил, что они совпадают с иллюзией Мо Ганя: его предки все умирали молодыми, и ни один не был долгожителем.

Жу Чжэнь, Цин Ву и Юэ Ю постепенно успокоились после страданий, Цин Ту направлял их души, и их прекрасные лица постепенно становились прозрачными.

Мо Гань усмехнулся.

— Одно мгновение — демон, другое — Будда. Кто бы мог подумать, что великий демонический владыка от рождения обладает буддийской природой, какая ирония! Только ты думаешь, что сможешь спасти их?

— Души, погрузившиеся в отчаяние, пали в бездну. Свет Будды никогда не озарит бездну.

На лице Мо Ганя всегда была надменность, презирающая все живые существа. Хотя он и был под контролем Цин Ту, он оставался непостижимым, и невозможно было разглядеть полную картину его прошлого.

Как только Цин Ту заиграл «Мантру перерождения», он быстро пришёл в себя, но и не пытался остановить Цин Ту, лишь холодно и надменно стоял в стороне, весьма беззаботно и спокойно, и ещё находил время поболтать со мной.

— Игрушка, ну что, подумал? Если пойдёшь за мной, я дарю тебе новую жизнь!

Я нелепо закатил глаза.

Он тоном, полным снисхождения, сказал:

— Дарю тебе вечную жизнь!

Я с некоторым презрением ответил:

— Чем быть вечной марионеткой рядом с тобой, лучше один день пожить свободно и непринуждённо.

Мо Гань был несколько ошеломлён.

— И игрушка любит свободу?

Хотя я и знал, что его словам нельзя верить, в сердце зародилось некоторое сомнение.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты же всего лишь...

Он собирался продолжить, но его прервал пронзительный крик. Жу Чжэнь, Цин Ву и Юэ Ю, уже вернувшие себе облик прекрасных женщин, снова превратились в устрашающий облик белых костей.

— Родиться человеком — уже преступление. Чем страдать из жизни в жизнь, лучше развеяться душой, превратиться в дым, облака и пыль, рассеянные ветром, чем снова родиться человеком.

Юэ Ю, всегда выглядевшая хрупкой и трогательной, в этот момент была непоколебимо решительна. Она, пожертвовав своими силами, сопротивлялась «Мантре перерождения» Цин Ту, отказываясь позволить Цин Ту направить её к Жёлтому источнику.

Но искусство Цин Ту было всё же намного выше её, поэтому она не могла сопротивляться и направлялась к Жёлтому источнику.

Кто бы мог подумать, что эта женщина окажется настолько решительной — она выбрала саможжение. Оранжевое пламя охватило её кости, её душа проявилась в огне, в пламени смутно виднелся её непреклонный и неприкосновенный облик.

Цин Ву, с её пышной фигурой, покружилась несколько раз в воздухе и с кокетливым смехом сказала:

— Быть человеком скучно, быть призраком тоже неинтересно. Этот мир так пресен, ты права, сестра, давай вместе станем призраками и вместе рассеемся между небом и землёй!

Её очаровательное лицо было в слезах, но она улыбалась, и, подлетев к огненному кругу, обняла Юэ Ю. Они плакали, глядя друг на друга, и смеялись, глядя друг на друга, с некоторым облегчением и свободой, постепенно исчезая в пламени. Утренний ветер унёс их прах, развеяв

между небом и землёй, и с тех пор они обрели истинную свободу.

<http://bllate.org/book/15420/1372283>